

Гоудань принадлежал к той редкой породе людей, которые отдаются любому делу без остатка, и сон не был исключением. Из всех троих он спал безмятежнее и крепче всех, а поутру просыпался самым последним. Ван Сюань обычно поднимался сам, стоило только зашевелиться Ли Сы, а вот Гоуданя приходилось долго расталкивать. Сам он ни за что бы не открыл глаза — ужасно любил понежиться в тепле.

Раньше, когда они еще не приютили Ван Сюаня, Ли Сы без памяти любил сына и позволял ему спать сколько душе угодно. Гоудань дрых до упора и просыпался, когда вздумается, — вольный казак, да и только.

Но сегодня этого соню словно подменили. Ради поездки в уездный город в его теле будто завелись невидимые часы. Стоило Ли Сы шевельнуться на кане — на дворе стояла глухая темень, часа три-четыре ночи, не больше, — как уши Гоуданя уловили шорох. Он мигом сбросил одеяло и сел, бодрый и решительный. Куда девался тот лежебока, которого каждое утро со слезами приходилось будить в школу! Ли Сы даже опешил от такой прыти.

— Тять, уже пора? — прошептал мальчик, а затем, наклонившись, принялся тормошить спящего рядом названного брата: — Вставай, А-Сюань, вставай! Нам пора в город!

В его голосе звенели такой восторг и нетерпение, а сон слетел так мгновенно, что стало ясно: мысль об этой поездке полностью завладела его ребячьим разумом.

Ван Сюань как раз досматривал сладкий сон. До привычного подъема оставалось еще несколько часов, да и уездный город не манил его так безудержно, как брата. Растолканный среди ночи, он никак не мог взять в толк, что происходит, и лишь сонно хлопал глазами. И тут прямо перед ним в тусклом полумраке масляной лампы возникло лицо Гоуданя — тот вовсю скалил зубы, которые из-за возраста росли пока вкривь и вкось, и широко разевал рот. В полутьме это выглядело жутковато.

Сон с Ван Сюаня как ветром сдуло. Он испуганно отпрянул:

— Брат Гоудань, ты чего? Что стряслось?

— Как это «чего»? Забыл, что ли? Мы же сегодня в город едем! Поднимайся живее, ну же, не ленись!

Ван Сюань потер кулаками глаза. От недосыпа веки казались тяжелыми, словно под них насыпали песку.

— Уж кто бы про лень говорил, — тихонько проворчал он себе под нос, — кого каждое утро не дозовешься.

Но ворчания никто не услышал: Гоудань уже спрыгнул с кана и припустил во двор справлять

малую нужду. Ван Сюаню оставалось лишь вздохнуть и, преодолевая дремоту, натягивать штаны. Выскочить на улицу голышом, подобно брату, он бы ни за что не решился.

Да уж, в летнюю жару Гоудань спал в старых, перешитых из какого-то тряпья трусах, а если те были в стирке — так и вовсе нагишом. В деревне вся мелкота мужского пола спала так же. О пижамах тут никто слыхом не слыхивал. Деревенские мальчишки не то что спали голыми, они и днем-то порой носились по улице без порток, сверкая на солнце голой задницей да мотая причинным местом на все четыре стороны.

И никого это не смущало. Местные сорванцы целыми днями лазили по деревьям да плескались в речке, загорев дочерна, так что одежда им только мешала. Лишь когда ребята подрастали и начинали понимать, что к чему, они прикрывали срам — пусть даже какими-нибудь драными лохмотьями, едва держащимися на честном слове.

Ван Сюань хоть и родился в этих же краях, рос совсем другим. Сказывалось материнское воспитание: его покойный отец был городским, и мать во многом переняла его привычки, стараясь привить сыну приличия. Оттого А-Сюань и рос мальчиком скромным, даже немного робким.

Одевшись, он вышел на крыльцо. Гоудань уже сделал свои дела и теперь стоял посреди двора, подбоченившись и безмятежно проветривая свое нехитрое хозяйство на предутреннем ветерке.

— Брат Гоудань, ты чего там высматриваешь? — окликнул его Ван Сюань.

— Думаю вот, — отозвался тот, не меняя позы. — Темнотища-то какая. И зябко как-то, не находишь?

— Так ведь рассвет еще не скоро, оттого и темно. Перед утренней зарей всегда туман стелется, вот и сыро. Но ты погоди: чем гуще утренний туман, тем жарче припечет солнце, когда взойдет.

— Надо бы нам с собой одежду потеплее прихватить, ну или хоть легкое одеяло, — рассудил Гоудань.

Им ведь предстояло заночевать в уезде, не спать же прямо на сырой земле. К счастью, у них двоих имелся секрет — пространственные карманы. Туда можно было спрятать любые вещи, и никто в деревне ни о чем бы не догадался.

В отдалении начали просыпаться соседи. Деревенские жители, коли уж собирались в дальнюю дорогу, всегда старались выйти засветло. Сквозь щели соломенных крыш и оконца мазанок затеплились первые огоньки — крошечные желтые точки, едва заметные в чернильной темноте ночи. То тут, то там принимались голосить петухи, отзывались ленивым лаем проснувшиеся собаки. Для Гоуданя все это было в новинку.

Обычно в этот час он видел десятый сон, да и Ван Сюань тоже. Тот зябко повел плечами — тяжелая, влажная изморось уже оседала на коже.

— И не думал, что люди так рано встают, — негромко сказал Ван Сюань. — Неужто они каждый день в такую рань поднимаются?

Вокруг стояла крошечная мгла, и лишь позади них, в глубине дома, слабо мерцал фитилек масляной лампы, зажженной Ли Сы. Мальчика вдруг охватила безотчетная робость. Страх перед ночным мраком сидел в человеке глубоко, на уровне древних инстинктов, а предраассветный час всегда казался самым темным и холодным.

— Брат Гоудань, пойдем в дом, а? — Ван Сюань шмыгнул носом и потянул брата за рукав. Ему чудилось, что если они промешкают хоть минуту, из этой вязкой темноты протянется огромная рука и утащит их. Лишь оказавшись в тепле, он оглянулся на порог и невольно вздрогнул.

Дагуай и Сяогуай тоже проснулись. Чуткие псы уловили возню, потянулись, вытянув передние лапы, и принялись преданно вилять хвостами, лапясь к хозяевам. Время от времени до них доносился глухой перестук из соседних дворов, и тогда собаки предостерегающе порывивали, задрав морды. С самого щенячьего возраста они спали в тепле под каном и привыкли просыпаться вместе с людьми, но так рано еще никогда не поднимались.

К тому же в последнее время из-за резкого запаха противомоскитных мешочков их собачье чутье притупилось, так что псы дрыхли без задних ног, пока Гоудань не вставал, а уж потом увязывались за ребятами до самой школы.

Шум на улице нарастал, мохнатые бока Дагуая и Сяогуая терлись о ноги, и бесприютный детский страх Ван Сюаня рассеялся без следа. Пока Гоудань торопливо одевался, а Ли Сы ушел на двор за охапкой хвороста, мальчики воспользовались моментом и принялись спешно прятать пожитки в свои пространственные карманы.

— Самые простые маньтоу давай оставим в холщовом мешке на виду, а в пространственный карман положим лишь малую часть и легкое одеяло, — шепотом командовал Ван Сюань. — Все остальное тоже туда спрячем.

Гоудань согласно кивнул.

В последнее время всеми припасами в доме заправляли ребята. Они вместе готовили еду, а Ли Сы лишь изредка справлялся, много ли осталось зерна да муки. Да и во всем прочем отец полностью положился на сыновей. Ли Сы не любил забивать голову домашними хлопотами; освободившись от гнета большой семьи после раздела имущества, он вернулся к привычному укладу — знай себе работай в поле, а о доме пусть думают другие.

Ему такое положение дел даже нравилось. Он ни на секунду не задумывался о том, правильно ли доверять хозяйство детям. Другой бы на его месте побоялся, что мальчишки изведут или

испортят продукты, но Ли Сы об этом и не помышлял. Он искренне гордился сыном, да и приемыш Ван Сюань оказался на редкость смышленным и работающим. Для простого крестьянина этого было более чем достаточно.

Когда пришло время собираться, над деревней все еще царила ночь. Кое-кто уже подошел к условленному месту, другие же безбожно опаздывали. Старый староста отправил рассыльных поторопить сонь. Он хорошо знал односельчан: дай им волю — они до обеда провозятся, а ведь нынче дело серьезное. Нужно было выйти по холодку, пока не взошло палящее солнце, и одолеть как можно большую часть пути.

Задерживали всех в основном молодые парни. Их расталкивали, буквально выковыривая из теплых постелей; они плелись, даже не умывшись, сжимая в руках собранные матерями узелки с нехитрой снедью и на ходу запихивая в рот куски лепешек.

Наконец все были в сборе. Староста вытащил из кармана тяжелую, позвякивающую связку ключей и отпер массивные двери общественного амбара. Предназначенное для сдачи государству зерно уже было рассыпано по мешкам и уложено в огромные плетеные короба. Мужчины принялись споро грузить припасы на телеги, запряженные ослами и волами, а также на ручные тачки. Те короба, что не поместились, предстояло нести на коромыслах. Гоудань присмотрелся к суматохе и рассудил, что толкать груженую тачку или править упряжкой ничуть не легче, чем тащить тяжелую ношу на собственных плечах.

Под зычные команды старосты крестьяне вешали на шеи фляги и мешочки с едой так, чтобы те болтались на груди. Счастливые обладатели заплечных сумок убирали пожитки туда. Впрочем, настоящие армейские брезентовые сумки с красной пятиконечной звездой красовались лишь у самого старосты, у сына дедушки Ли да еще в паре семей, где сыновья служили в народной армии. Остальные довольствовались самодельными торбами, сшитыми из поношенного тряпья.

Семья Гоуданя, разумеется, шагала в рядах тех, кто попроще. Их заплечные мешки сшил Ван Сюань, когда приноровился к иголке с ниткой. Он пустил на это дело совсем уж ветхую одежду, предварительно ее выстирав. Материя, впрочем, оказалась крепкой — обычная домашняя пестрядь. С этими же сумками мальчишки ходили и в школу.

В бедных семьях порой не то что новой одежды не бывало — даже старой на всех не хватало. Гоудань раньше донашивал отцовские обноски, которые сидели на нем мешком, ведь лишней ткани на обновку сыну у Ли Сы никогда не водилось. Нынешние заплечные сумки Ван Сюань скроил из платьев покойной матери Гоуданя. Та ушла из жизни рано, оставив мужу лишь немного ребенка да пару застиранных рубах — то ли не успела обзавестись добром, то ли ее заезжий соблазнитель обещал со временем купить ей новые наряды, да так и обманул.

Небо на востоке едва начало сереть, когда колонна наконец тронулась в путь. В утренних сумерках очертания дороги проступали смутно. Дядя Шуаньцзы, шагавший неподалеку, приметил Гоуданя и Ван Сюаня, которые с сумками наперевес пристроились за Ли Сы, тяжело тащившим свое коромысло.

— Ого! Вы чего это в такую рань подскочили? — удивился Шуаньцзы. — Отца, стало быть, провожаете? И собак с собой прихватили?

Сам Шуаньцзы тоже шел с коромыслом. Нагруженные доверху короба весили не меньше ста цзиней, и ноша немилосердно давила на плечи. Поначалу крестьяне шагали молча, экономя силы, и лишь спустя некоторое время заметили, что следом увязалась детвора. Здешние мужики привыкли к тяжелому крестьянскому труду. Каждому из них приходилось из года в год надрываться на строительстве дамб, рытье каналов и переноске тяжелых валунов. Это были не изнеженные горожане, не способные поднять ничего тяжелее ручки, а выносливые, закаленные работой люди, у каждого из которых имелись свои хитрости, помогавшие хоть немного облегчить ношу.

Глядя на мальчишек, мужики невольно позавидовали Ли Сы. Каким бы недотепой его ни считали в деревне, а сыновей он вырастил на славу! Поднялись среди ночи, чтобы проводить отца. Да еще и поклажу его — узелок с едой и флягу с водой — на себя взяли, избавив родителя от лишней обузы. Свои-то оболтусы небось до сих пор дрыхнут без задних ног и знать не знают, когда отцы из дома ушли. А тут — и подмога, и забота: Ли Сы теперь не нужно было вешать мешок на шею, мешая себе дышать при ходьбе.

Сам Ли Сы, ловя на себе завистливые взгляды, лишь молча и довольно ухмылялся. Он не спешил ничего объяснять и даже головы не поднимал, сосредоточенно глядя под ноги на протоптанную колею.

Гоудань с Ван Сюанем шагали налегке. Следом за ними весело трусили псы, оглашая окрестности нетерпеливым тьяканьем. Гоудань так бойко болтал с мужиками, что быстро расшевелил всю притихшую колонну. Усталость и дорожная скука начали отступать, и крестьяне один за другим принялись шутливо переругиваться с мальчишкой.

Гоуданю дерзости было не занимать. Как бы его ни подначивали, он за словом в карман не лез и частенько так срезал взрослых, что те только рты разевали да краснели от досады. Наконец кто-то из мужиков не выдержал и крикнул:

— Эй, Ли Сы! Ты чего на своего Гоуданя укороту не найдешь? Совсем малец от рук отбился!

Но Ли Сы и тут повел себя на удивление чудно. Вместо того чтобы прикрикнуть на сына, как сделал бы любой другой отец, он даже шага не замедлил и буркнул себе под нос:

— Так вы сами первые к нему привязались.

Смысл его слов был предельно прост: вы, взрослые люди, сами начали задирать мальчишку. А теперь, когда он вам спуску не дал и утер нос, жаловаться прибежали? И не просите меня вмешиваться — я сам с ним совладать не могу. Не просто же так он оказался единственным ребенком во всей деревне, которому позволили увязаться со взрослыми в город!

Все взрослые знали, что Ли Сы — человек тихий и неразговорчивый. В прежние времена, живя под одной крышей с матерью и братьями, он безропотно сносил любые обиды. Кто же мог подумать, что у такого безответного бедолаги родится сын с таким острым, как бритва, языком? Гоудань резал правду-матку в глаза, да так складно, что и возразить было нечего.

Взрослым мужикам сделалось изрядно неловко — шутка ли, спасовать перед сопливым пацаном. Чтобы поскорее замять конфуз, они поспешили перевести разговор на Ван Сюаня, который все это время тихо и скромно шагал рядом с братом.

<http://bllate.org/book/19654/1996709>